

Глава 1

— Тише! Кто-то кричал...

— Я тоже слышала... — Она склонила голову набок, как всегда делала, прислушиваясь. С минуту оба молчали, и зыбкую тишину ночного московского двора нарушал только шум проезжавших за углом машин. Движение на этом перекрестке не стихало даже в самые глухие часы. Мужчина хотел было заговорить, но девушка уловила его движение, подняла палец и прижала его к губам. Еще одна машина проехала за углом, взвизгнули тормоза на перекрестке, и тут же снова зарычал мотор.

— Наверное, показалось. — Мужчине надоело выслушивать темноту. Он чиркнул зажигалкой и при ее свете взглянул на часы. — А может, это громко включили телевизор.

— Посмотри на окна, все спят, — шепотом возразила девушка, все еще продолжая прислушиваться. — Даже эти товарищи на третьем... Ну, правильно, сколько можно праздновать? Пятый час. Ты ведь меня проводишь до квартиры?

— Ну конечно, — с наигранной готовностью ответил тот, и Катя не сдержала ироничного смешка. В этот миг ей захотелось отказаться от услуг провожатого, но мысль, что в подъезде могут встретиться нетрезвые парни, посещавшие «нехорошую квартиру» на третьем этаже, превозмогла прилив задетой гордости.

АННА МАЛЫШЕВА

— В последний раз, — сказала она, радуясь, что ее лицо прячет темнота. Катя чувствовала, что оно некрасиво искажено, но справиться со своими чувствами не могла. — Это будет вроде венка...

— То есть? — насторожился Сергей.

— На могилу принято носить венки. — Девушка спрятала в карманы куртки озябшие руки и поежилась, вздернув плечи. — А мы сегодня как-никак кое-что похоронили.

— Катя, я надеялся, что обойдется без сцен, — нервно проговорил он. — Мы же взрослые люди! Кажется, все обсудили, и ты сама согласилась, что...

— Так дальше нельзя, — докончила она, доставая ключи и выбирая магнитный от двери подъезда. — Я и не спорю, с этим надо было покончить. Я не думала, правда, что вот так, запросто... Я дороже ценила два года своей жизни!

— Катя, мне очень жаль... — начал тот, но девушка остановила его, резко обернувшись на пороге, придерживая приоткрытую железную дверь:

— Вот этой фразы ты мог бы не говорить! Тебе жаль, да?! А мне нет!

— Что бы я не сказал, все равно буду виноват, — обреченно ответил Сергей, входя за нею в подъезд. — Прошу тебя, не надо. Верь — не верь, а мне очень тяжело.

Лифт был отключен на ночь, и на седьмой этаж пришлось подниматься по лестнице. Катя шла впереди, быстро, не замечая пролетов, с горящим от гнева лицом, и потому даже не заметила на неосвещенной площадке фигуру возле мусоропровода. Она обернулась лишь, услышав сердитый возглас Сергея:

— Ноги подберите, дайте пройти!

— Я тебе сейчас так ноги подберу... — хрипло, с усилием ответила тень, делая попытку подняться и снова оседая на пол. — Стой, где стоишь... Дай только встать...

КРОВЬ ЛУНЫ

— Идем же, — поторопила она Сергея и, морщась, взгляделась в темноту. — А вы, как вас там, убирайтесь из подъезда! Сейчас милицию вызову! Достали!

— Я тебе вызову... — угрожающе просипела тень. — Смотри, я тебя еще повстречаю!

Она не ответила и пошла дальше. Сергей замялся на миг, но тут же нагнал ее. Когда Катя остановилась у двери своей квартиры и принялась искать на связке нужные ключи, пальцы у нее слегка дрожали.

— Где же... — Она нервно перебирала ключи и наугад пыталась отпереть замки. На площадке было темно, лампочка, ввинченная ею на днях, перегорела или была украдена. — Боже мой, что у нас за подъезд, каменный век, тьма, грязь, какие-то неандертальцы под ногами валяются! Я была недавно в гостях у подруги, так у них на площадках зеркала и картины висят...

Наконец ключ повернулся в замке, она нажала дверную ручку и вопросительно обернулась на своего спутника. Тот слегка отступил, словно испугавшись приглашения, которое могло последовать за этим движением.

— Мне пора, — торопливо произнес он.

— Да я и не предлагала зайти. — Теперь ей было по-настоящему нехорошо, в висках застучала кровь, кожу на лице закололи мелкие иголки. Кате стало душно и невыносимо, до физической боли стыдно: «Все выглядит так, будто я за него цепляюсь!»

— А ты решил, что я предложу чашечку кофе? — срывающимся голосом выговорила она, борясь со спазмами, давящими горло. — С этого обычно начинают, а как заканчивают, я даже не знаю... Может, бутылкой, как этот тип на третьем этаже... Нет, я тебя не приглашаю, до работы всего ничего осталось. Приму ванну, проверю почту, попробую часок подремать... Мне не до тебя.

— Катя, ты просто золото, — тихо ответил он. — Другая на твоём месте устроила бы сцену, смешала меня

с грязью. Да что там, я сам себе противен... Прости, если можешь.

Она не ответила — прикусила рвущиеся наружу слова вместе с губами, так, что почувствовала резкую боль.

— И ведь я знаю, что мы с тобой могли быть так счастливы, как я никогда не буду с ней, но...

— Это нужно немедленно заканчивать, — оборвала его девушка, торопливо переступая порог, — все, все! Это бред, садизм, ты не имеешь права рассказывать мне, как мы могли быть счастливы! Убирайся, пошел вон отсюда! И ту кучу мусора на третьем с собой прихвати! Я сейчас вас обоих в милицию сдам!

Захлопнув дверь и прижавшись к ней изнутри спиной, Катя перевела дух и усилием воли прогнала проступившие было слезы. Света она включать не стала — не хотелось видеть свое лицо в висевшем напротив двери зеркале. В минуты неудач и поражений она избегала встречаться взглядом со своим отражением.

— Что я ему наговорила... — прошептала Катя, слушая тишину в квартире и за дверью. — Почему, зачем... Я должна была молча уйти... Одна.

От звука собственного тихого голоса ей вдруг стало страшно. Содрогнувшись, она отошла от двери, сняла куртку и наугад бросила ее на вешалку. Куртка зашуршала и повисла на крючке. Серое пятно зеркала (глаза начинали привыкать к темноте) смотрело строго и выжидающе. Стоит включить свет — и оттуда глянет бледное осунувшееся лицо, и она прочтет в своих глазах выражение, от которого возненавидит себя саму окончательно. «К тебе когда-нибудь на улице подходила потерявшаяся собака? — спросила ее как-то старая, беспощадная в оценках подруга. — Знаешь, как они смотрят, когда виляют хвостом, пытаются идти рядом? Когда тебе плохо, ты смотришь точно так же! Как думаешь, мужчина на такой взгляд клонет?! Им нравятся счастливые женщины, запо-

КРОВЬ ЛУНЫ

мни это! Пусть тебе ноги без наркоза ампутируют — улыбайся!»

«Карине легко критиковать, у нее всегда была одна проблема — как избавиться от лишних ухажеров! Они ей, видите ли, учиться и работать мешают! У нее сколько романов — столько и предложений руки и сердца. Если бы она хотела, то каждый раз выходила бы замуж. А я... Разве я виновата, что у меня ничего не получается?! Два года мы были вместе, он первый стал говорить о браке, первый — о детях, это он сам строил планы на будущее, я даже не помогала, боялась сглазить! Он тысячу раз говорил, что его брак — формальность, просил только дать время, чтобы жена привыкла к мысли о разводе, мол, хороший она человек, жалко ее травмировать... И вот сегодня — звонок на работу, ужин в ресторане, там он взгляд прятал, будто ложку украл, а на десерт заявил, что нам лучше расстаться, потому что он не может пожертвовать семьей. Я впервые услышала от него это слово — семья! Оказалось, что никакая это не формальность, а самая главная ценность в его жизни, так что он готов ради нее пожертвовать большой любовью. Что это за игра такая?! Зачем он мне внушал, что, по сути, одинок и ничем не связан?! Чтобы я не устраивала сцен? Чтобы любила крепче? Зачем он со мной так?»

Так и не включив света, Катя стянула сапоги, рывком освободилась от теплого свитера и, не сдержавшись, швырнула его прямо на пол. Ей хотелось разбить что-нибудь, закричать, устроить истерику — сделать хоть что-то, что разрушит эту оглушительную тишину, повисшую в темной квартире. Она босиком побежала в комнату, на ходу включила торшер и, благополучно избежав встречи с зеркальной дверцей старого шкафа, с ногами прыгнула на диван. Тот возмущенно заскрипел — это было рассохшееся, страдающее ревматизмом наследство, доставшееся Кате от бабушки, покойной обитательницы квартиры. Переехав сюда несколько лет назад, девушка

так и не собралась ни сделать толком ремонт, ни сменить мебель. Переделкам подверглись только ванная комната и кухня — в остальном здесь царили пятидесятые годы прошлого века.

В первое время после переезда эта обстановка раздражала Катю, но со временем она привыкла к старым вещам и даже привязалась к ним. У этой мебели был такой смущенный, закомплексованный вид, что она выглядела почти одушевленной. «Мы совсем немодные, нами больше нельзя гордиться, мы и сами это знаем... — казалось, говорили диван, шкаф и буфет. — Но зато мы помним тебя такой маленькой девочкой, что ты даже не дотягивалась до верхних полок шкафа, не умела открывать ключиком буфет, чтобы достать конфеты, а когда прыгала на диване, пружины под твоей тяжестью даже не скрипели! Мы все помним! Если ты выбросишь нас на свалку, вместе с нами ты выбросишь и ту маленькую девочку!»

— А может, и надо все это выбросить, поменять, — пробормотала девушка, обводя взглядом стены. — Может, жизнь стронется с мертвой точки, а то я будто в лесу заблудилась — кружу, кружу, и выхожу все к этому скрипучему дивану.

Она взглянула на часы. Стрелки показывали пять утра, глухой час, когда не спят только самые счастливые люди и самые несчастные. Позвонить в такое время невозможно даже самому близкому человеку, разве что случилось серьезное несчастье. «Это к лучшему, — вздохнула Катя, отводя взгляд от телефона. — Может, я справлюсь и вообще никому ничего не расскажу. Родителям жаловаться? Коллегам? Карине? Нет, даже ей не стоит. В тридцать лет без малого пора привыкнуть, что тебя бросают».

В последнее время Катя все чаще напоминала себе об этой дате, хотя ей исполнилось только двадцать восемь. Тридцать лет — это был рубеж, которого она ждала с тревогой и неверием в свои силы, опасаясь, что эта цифра

КРОВЬ ЛУНЫ

выставит ей счет, по которому невозможно будет запла- тить. Тридцать — значит, игра пошла всерьез, и скидок на юность и неопытность уже не будет. Тридцать — возраст, когда пора хвастаться если не карьерными успехами, то семейным счастьем, а лучше и тем, и другим. Это воз- раст, когда даже самое инфантильное дитя начинает осо- знать, что одной любовью к родителям его сердце сыто не будет. Тридцатилетнюю одинокую женщину начинают жалеть замужние подруги, она уже задерживает взгляд на чужих детях, пытаясь подавить смутный страх перед буду- щим, где, может быть, ее некому будет любить. Пока это лишь предчувствие, которое можно не воспринимать всерьез, но людям счастливым оно незнакомо.

«Нет, как я могу все это рассказать Карине? Она счаст- лива одна, ей никто не нужен. У нее и мыслей таких не бывает, я уверена». Девушка сунула под щеку облезлую кожаную диванную подушку и улеглась, свернувшись калачиком. Хотелось расплакаться, но Катя запретила себе это — она бы весь день проходила с опухшими крас- ными глазами, и все, кому не лень, спрашивали бы ее, что стряслось. «Только не сегодня, — уговаривала она себя. — Завтра выходной, вот вечером придешь с работы и рыдай, сколько душе угодно. А пока самое лучшее — немножко поспать».

Но эта благоразумная мысль была совершенно беспо- лезна, как зачастую бывают бесполезны благоразумные советы. Заснуть в таком состоянии Катя не смогла бы, даже приняв успокоительное. Обычно ее клонило в сон от алкоголя, но шампанское, выпитое в ресторане, давно выветрилось — девушка протрезвела сразу, услышав оше- ломляющую новость. «На кухне в холодильнике стоит какое-то вино, но не могу же я напиваться, мне на рабо- ту, — в отчаянии думала она, ворочаясь на диване. — Пять утра, что делать, как отвлечься?! Не стиркой же занимать- ся, в самом деле!»

В этот миг она страшно жалела, что так и не завела кошки. Катя сделала такую попытку незадолго до того, как познакомилась с Сергеем. Крошечный серый котенок породы русская голубая был куплен ею на кошачьей выставке, куда она зашла просто от нечего делать, гуляя по ВВЦ. Катя жила неподалеку от метро «ВДНХ», и территория выставки была для нее привычным местом прогулок. Котенок был куплен стихийно, лукавая продавщица буквально заставила девушку взять его в руки, после чего восхитилась:

— А знаете, вы с этой кошечкой очень похожи! Прямо одно выражение лица! Сразу видно, она вас дождалась!

Сама Катя находила, что роднит ее с кошечкой только цвет глаз — янтарно-карий, но поддалась искушению и приобрела себе друга. Санди — так она назвала кошечку в честь дня недели, когда та была куплена, прожила у нее две недели. Ровно столько потребовалось Кате и Сергею, чтобы познакомиться, начать встречаться на нейтральной территории и, в конце концов, решить, что для следующего свидания свидетели им не нужны. Однако, едва переступив порог Катиной квартиры, ее новый знакомый попятился, заметно изменившись в лице.

— У тебя кошка? — сдавленно спросил он.

— А что случилось? — испугалась девушка. Санди даже не вышла на звук открывающейся двери — кошечка оказалась ленивой и большую часть времени спала, растянувшись на диванной подушке.

— Прости, я не могу войти. — Сергей пытался улыбаться, но было видно, как он обескуражен. — У меня аллергия на кошачью шерсть.

Свидание спешно перенесли на свежий воздух, а поздно вечером, вернувшись домой, Катя обзвонила подруг и пристроила Санди в хорошие руки. Она сделала это, ничуть не усомнившись в своей правоте. Кошка жила у нее недавно, Катя не успела толком к ней привязаться,

КРОВЬ ЛУНЫ

к тому же все ее существо было поглощено новым романом, который только-только подходил к самой захватывающей стадии. Кошка исчезла, квартира была тщательно прибрана, и тем не менее во время своего первого визита Сергей глотал антигистаминные препараты и говорил простуженным севшим голосом. Катя извинялась перед ним, словно впрямь была в чем-то виновата, и ругала хитрую даму с выставки, навязавшую ей котенка. Все это было два года назад, роман только начинался, и тогда девушка совсем не заботилась о грядущем тридцатилетнем рубеже, просто ей очень нравился новый знакомый.

«Кошка не бросила бы меня, — жалобно подумала Катя, ворочаясь и не находя себе места. — Она бы поняла, как мне плохо! Если бы я могла сейчас обнять Санди, послушать ее песенку, пожаловаться! Нет, я не выдержу, не смогу молчать, сегодня же всем расскажу... Пусть жалеют, пусть читают мораль, объясняют, что я делала не так... Только бы не эта тишина — она меня с ума сведет!»

И словно в ответ на ее мысли предрассветное безмолвие спящего дома нарушилось. Катя услышала, как где-то неподалеку с натужным визгом распахнулась балконная дверь, раздалась громкие возбужденные голоса — несколько человек вышли на балкон и заговорили разом, не слушая друг друга. Из этой какофонии вдруг выделился и на миг все заглушил короткий женский вопль, похожий на крик испуганной птицы. Его тут же оборвал глухой сильный удар, после которого наступила тишина. Катя села, склонив голову и прислушиваясь. Голоса на миг смолкли, но тут же зазвучали с удвоенной громкостью. Теперь она различала даже отдельные фразы.

— Беги вниз! — во весь голос крикнула женщина. — Ах, дура, дура!

— А ты стоишь и смотришь?! — истерично подхватил другой женский голос. — Скорее, ну!

АННА МАЛЫШЕВА

— Куда это я побегу? — огрызнулся мужчина. — Идите вы все...

И снова хлопнула дверь — так, что в Катином окне звякнуло неплотно пригнанное стекло. Она уже стояла у балконной двери, прислушиваясь и не решаясь выйти. «Там какой-то скандал, если высунусь, это будет выглядеть, будто я подслушиваю. Но в конце концов, пять утра, а они так раскричались, что я имею право возмутиться... Ну вот, не унимаются, опять орут! Это совсем рядом!»

Катя набросила на плечи вязаную шаль и выглянула наружу. Ее предположения оправдались — на соседнем балконе она увидела двух женщин, одетых более чем легко для промозглого октябрьского утра. На одной, совсем юной, была майка с короткими рукавами, другая, постарше, придерживала на груди расходящиеся полы халата. Обеих она знала в лицо, как-то обменялась с той и другой несколькими фразами, но и только — они жили в другом подъезде, и Катя редко с ними сталкивалась.

— Что делать будем, мам? — все так же истерично выкрикнула молодая девушка. Она едва взглянула на Катю, вид у нее был возбужденный и полубезумный. Вряд ли она вообще заметила, что на соседний балкон кто-то вышел. — Мама?!

— Лови его, пока не ушел! — приказала женщина в халате, отворив балконную дверь. — Да беги же, не спи! А вам что нужно?! — Она вдруг обнаружила в нескольких метрах от себя соседку. Неприятливо прищуренные глаза так и оцарапали Катю — из каждого зрачка словно торчало по булавке.

— Можно потише? — сдержанно спросила та. Не ответив ни слова, женщины скрылись в квартире. Оттуда снова понеслись крики, правда, слегка заглушенные.

«До сих пор за стеной вроде не шумели. — Катя плотнее закуталась в шаль и вдохнула сырой холодный воздух. Он тут же застрял в горле — у девушки появилось ощущение,

КРОВЬ ЛУНЫ

словно она проглотила комок влажной ваты. — Там нормальная семья, мать и две дочери, у них еще маленькая собачка, левретка. Вечно гуляет в смешных таких свитерах и дрожит, будто с похмелья. Ну, если и эти начали буянить, точно придется квартиру менять. Мало мне притона на третьем!»

То ли скандал разбудил обитателей двора, то ли просто начали просыпаться те, кому пора было на работу — в окнах стали зажигаться огни. Но странно было не это. Окинув взглядом дома, окружавшие двор, Катя заметила на нескольких балконах людей. Спустя полминуты их стало в два раза больше — возникало впечатление, будто что-то выманило их в холод и сырость из теплых постелей. Многие были в халатах, кто-то, как и Катя, кутался в наспех накинутое тряпье, и все, как один, смотрели вниз. Озадаченная девушка последовала их примеру.

«Что там такое? Проверяют, на месте ли их машины? Почему просто в окно не выглянуть, холодно же?..»

— Вы не туда смотрите, — раздавшийся рядом голос заставил ее вздрогнуть. — Во-он туда смотрите, слева от фонаря. Нет, от вас, наверное, плохо видно, дерево мешает!

К ней обращался парень, который незаметно вышел на балкон этажом ниже. Они с Катей здоровались, если случилось вместе ехать в лифте, и как-то раз он принес ей письмо, по ошибке брошенное в его почтовый ящик. Девушка кивнула ему в ответ, перегнувшись через перила:

— Доброе утро. А что там, если не секрет?

— Да девчонка какая-то с балкона выбросилась, — просто ответил тот. — Разве не слышали, как тут орала? Лично я проснулся.

— Как?! — Она схватилась за мокрые перила и нагнулась еще сильнее, пытаясь что-нибудь различить в утренних сумерках. Разросшийся тополь скрывал от нее ту часть двора, куда указывал сосед. — А что же все стоят, смотрят?! Может, она жива?!